

Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980—1990-е гг.)¹

Анастасия Петровна Коняхина,

младший научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: kap1@rbcm.ru

В статье освещаются некоторые социальные проблемы и вопросы, актуализированные в позднесоветский и постсоветский период за счёт гражданской активности на юге Дальнего Востока. Исследуются как настроения и самочувствие населения в целом, так и запросы к власти со стороны представителей национальных, профессиональных групп, общественно-политических организаций, рассматривается инфраструктура такого участия.

Ключевые слова: гражданское участие, общественное движение, социальный протест, общественное мнение.

Civic Engagement in the South of the Russian Far East (1980—1990).

Anastasia Konyahina, associate researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok.

The article highlights some of the social problems and issues, actualized in the late Soviet and post-Soviet period due to civil activity in the south of the Far East. We investigate the mood and well-being of the population as a whole, as well as requests from the authorities among national, professional groups, political organizations.

Key words: civic participation, social movement, social protest, public opinion.

Различные формы гражданского участия, в том числе протестные, выступают в качестве механизма обратной связи. Именно так, осознавая взаимные интересы и достигая понимания по ключевым вопросам общественно-политической и экономической жизни, можно консолидировать общество и обеспечить развитие страны. Выявление точек напряжения, субъектов и репертуара действий на региональном уровне является необходимым для осмысления ресурсных возможностей такого рода социальных практик для задач качественного управления, для преодоления известного отчуждения между государством и обществом.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

Вопросами теории и практики гражданского участия, социального протеста, новых социальных движений занимались отечественные социологи, политологи, историки, философы М.Н. Афанасьев, Ю.А. Левада, А. Г. Здравомыслов, А.В. Кинсбургский, А.И. Климов, С.В. Задорин, В.В. Петухов, О.Н. Яницкий, И.А. Халий, В.В. Костюшев, В.В. Сафронов и другие [3]. Исследования на региональном материале проводились, в том числе Л.Е. Бляхером [4], Е.В. Буяновым [9], Д.А. Владимировым [13].

В настоящее время большой размах и высокую результативность по сравнению с традиционными организациями (политическими партиями, профсоюзными, ветеранскими) демонстрируют «низовые» инициативы, движения «одного требования». Они позволяют создавать «предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных сообществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты» [33, с. 59]. Опыт стихийных неформальных движений периода перестройки, прямых коллективных действий на региональном (горизонтальном) уровне находит здесь продолжение, формируя необходимую базу для решения сегодняшних проблем Дальнего Востока, и требует в этой связи внимательного научного анализа.

Основными механизмами гражданской вовлечённости являются письменные и устные обращения в органы власти, в СМИ, участие в выборах разного уровня и референдумах, работа в общественных организациях, политических партиях, профсоюзах, участие в акциях протеста, митингах, забастовках, подписание петиций и воззваний.

КАНАЛЫ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В советское время одной из немногих доступных и эффективных форм взаимодействия с властью, имевшей в своей основе давние исторические традиции, было апеллирование к ней путём обращения в партийные и советские органы, СМИ. Существовали и дополняющие способы выражения мнений и претензий.

Вопросы, поступавшие через систему лекционной пропаганды, позволяли непосредственно с мест получить сведения о волновавших население проблемах. Они показывали и общий информационный фон, вбивавший в себя слухи и опасения. Другим источником были критические замечания, просьбы, жалобы, наказы при отчётах депутатов, исполнение которых ставилось на контроль. Помимо этого, организовывалисьходы граждан, подворные обходы, вечера вопросов и ответов, общественные приёмы при редакциях газет, выездные приёмы жителей [ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2704. Л. 9, 29; Д. 2703. Л. 3]. Источником для выявления круга значимых для населения тем являлись предложения коммунистов и беспартийных при обсуждении на конференциях различных партийных документов, а также выступления на отчётных собраниях и заседаниях партхозактивов. Так, в обсуждении Тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюз-

ной партийной конференции приняли участие более 700 тыс. приморцев, более 40 тыс. человек выступили. Было высказано свыше 17 тыс. замечаний и дополнений [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 640. Л. 72].

Новой формой в период перестройки стала организация дискуссионных политических клубов, число которых постоянно росло. Если первоначально они создавались парткомами при участии лекторов общества «Знание» с навязанной аудитории повесткой дня, то постепенно инициативу по их проведению брали на себя коммунисты — сторонники демократических преобразований, целью которых была разработка конкретных рекомендаций. Работу вели также различные круглые столы, трибуны актуальных проблем, исторические чтения.

Характерными темами в изменяющемся дальневосточном социуме в 1987 г. стали: медленный переход советских и хозяйственных органов к перестройке, требования подотчётности избираемых и назначаемых должностных лиц перед населением и большего доступа к информации, особенно при решении затрагивающих интересы граждан вопросов [ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2704. Л. 5—6]. Что же касается общего объёма поступавших в партийные комитеты обращений, то до конца 1980-х гг. самыми актуальными оставались вопросы жилищной и социально-бытовой сфер [26, с. 77—88].

Статистика свидетельствует о постепенном снижении количества писем в партийные органы на фоне роста таковых в исполкомы и средства массовой информации. Тенденция смены адресата запросов подтверждалась и данными социологических исследований. Опрос, проведённый в апреле 1990 г. в Приморском крае (Владивосток, Уссурийск, Октябрьский район), показал, что надежды на улучшение дел жители связывали прежде всего со вновь избранными Советами (56%), на втором месте были печать, радио и телевидение (44%), далее — правоохранительные органы (32%) и партийные организации (25%) [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1076. Л. 25]. КПСС теряла влияние, а пресса, достигнув в этот период необходимого уровня автономии и получив поддержку общественного мнения, становилась самостоятельным властным институтом. Тираж увеличивали те издания, которые смогли включиться в обсуждение наиболее востребованных дальневосточниками тем. Газеты проводили анкетирование («референдумы»), освещали разнообразные коллективные акции. По мнению П. Шампаня, следует говорить о второй реальности протеста [28, с. 153]. Даже в случае отражения в СМИ несостоявшейся на деле акции, она становилась политическим событием, влиявшим на умы людей и определявшим их дальнейшее поведение. Самиздат, как не встроенный в систему партийно-советских СМИ альтернативный источник информации, вызывал повышенный интерес населения. Новые общественные движения активно распространяли издания (в том числе рукописные), вывешивая их на предприятиях и в организациях, продавая и раздавая на улицах. Стали востребованы и повсеместно создаваемые издания Советов народных депутатов.

НОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФОРМА ПРЯМОГО УЧАСТИЯ (КОНЕЦ 1980-х гг.)

Возьмём исходной точкой представление (по Г. Блумеру), что социальная проблема не сама по себе ситуация, а деятельность индивидов и групп, выдвигающих утверждения и требования относительно некоторых обстоятельств, т.е. является результатом коллективного определения [25]. Новые социальные движения, «неформалы», чьё мнение не было «санкционировано» сверху, стали в период перестройки выразителями запросов жителей региона. На примере некоторых дальневосточных объединений, появившихся исключительно на «местной почве», проследим становление механизма прямого гражданского участия.

События мая 1988 г. в Южно-Сахалинске, последствием которых стала фактическая отставка первого секретаря обкома КПСС П.И. Третьякова, были охарактеризованы как первая в Союзе демократическая революция. На митинге 21 мая, поводом к которому послужило обсуждение несправедливых безальтернативных выборов делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию, население открыто выражало недовольство и отказ в доверии областному руководству.

Последовавший на втором митинге (собравшем, по разным оценкам, до 5 тыс. участников) призыв к организованному оформлению стихийной инициативы привёл к созданию политической организации общественности г. Южно-Сахалинска «Демократическое движение за перестройку» (ДДП), костяк которой составила уже проявившая себя инициативная группа из 8 человек. Резолюция митинга была отправлена генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву, а уже 18 июня 1988 г. состоялось учредительное собрание, утверждён устав и избран Координационный совет в составе 43 человек. «За неделю работы группа сделала больше всех известных «официальных» формирований, так что спасибо ей...». «Было чувство мучительного восстановления обратной связи, механизм которой был основательно разрушен...» [45, с. 11].

Основной целью ДДП провозглашалось восстановление ленинских принципов социализма и создание подлинного народовластия [СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1 Д. 1.]. Первоначально Движение взяло на себя роль активного помощника перестройки, предлагая содействие и поддержку горкому КПСС в налаживании диалога между населением и властью, в борьбе с бюрократизмом и номенклатурными привилегиями. Формы работы включали в себя собственные расследования фактов социальной несправедливости, сбор информации, в том числе через обращения граждан, доведение её до населения, разработку предложений и рекомендаций для государственных, хозяйственных и партийных органов, проведение тематических митингов, городских собраний и регулярных «гайд-парков» (правовая неопределённость такого «уличного «парламента» [46, с. 196] позволила властям вскоре их запретить), налаживание сотрудничества

с заинтересованными группами (молодёжными, экологическими), обращения в СМИ, центральные и региональные партийные и государственные органы.

С 1989 г. от имени Сахалинского демократического регионального пресс-центра (СДР-ПЦ) начал выходить самиздатовский Информационный бюллетень Сахалинского Демократического движения за перестройку (впоследствии газета «Айну» тиражом в 1500 экз.). Достижение необратимости демократических преобразований, по мнению участников ДДП, было возможно через создание механизмов непосредственной демократии, многообразие политических форм активности граждан, обеспечение прямого участия широких масс в решении ключевых вопросов жизни страны через общенародные обсуждения и референдумы [СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1. Л. 11—13]. Содействие реализации этих задач, наряду с обеспечением интересов и защитой прав и достоинства людей труда, проведением в жизнь принципа гласности и доступности информации избраны основными направлениями деятельности организации.

Игнорировать стихийный протест общественности представлялось невозможным: для организации было выделено помещение в Доме политического просвещения обкома (г. Южно-Сахалинск), с участием «восьмёрки» в мае 1988 г. прошли партийно-хозяйственные активы, на которых Сахалинскому обкому КПСС пришлось отчитываться по проблемам развития социальной сферы, вопросам злоупотреблений руководства области [8, с. 121], начались проверки по фактам нарушений в сфере жилищного, экологического законодательства. Движение также вышло за рамки Южно-Сахалинска, аналогичные группы стали создаваться и в других городах области. ДДП включилась в широкую сеть информационных каналов. Были установлены связи с Демократическим Союзом, Московским народным фронтом [35, с. 14], Дальневосточным народным фронтом, Владивостокским политическим клубом «Демократ» и многими другими.

Нараставшие разногласия в Движении, политизация и специализация его отдельных направлений послужили выделению из его состава уже в качестве самостоятельных нескольких групп, на основе которых были впоследствии созданы новые общественно-политические движения и партии. Успешность действий ДДП на начальном этапе была обусловлена главным образом массовой (активной либо пассивной) поддержкой общественности и базировалась, прежде всего, на уверенности его участников в возможности реализации неотъемлемого права быть услышанными властью. Вопросы, актуализированные в ходе их деятельности стали, по сути, политическими требованиями, выражающими общие интересы по широкому кругу вопросов.

А вот пример другого объединения. В Хабаровске в августе 1988 г. по инициативе «неорганизованных» групп художников, музыкантов, архитекторов был образован «Координационный центр содействия перестройке», в который также вошли представители советских, партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и молодёжная пресса. Такая

громоздкая структура с присутствием официальных лиц не устроила некоторых участников — студентов Хабаровского государственного педагогического института, которые создали общественно-политический клуб «Трудодень». Они действовали в соответствии со сделанным заявлением: «Мы хотим знать правду о нашем (и не только нашем) прошлом и особенно настоящем и распространять её всеми доступными средствами, мы хотим исчезновения понятия «кухонный разговор» — пусть «кухней» станет любое помещение, любая площадь и улица» [ГАХК. Ф. Р-1248. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.]

В течение полугода клуб «Трудодень» выпустил 7 номеров рукописного журнала «Украина», провёл 9 (в 1989 г. более 30) митингов и собраний. Некоторые из участников привлекались к административной ответственности за нарушение Указа ПВС СССР 1988 г. «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» [40]. Самыми массовыми были: по вопросам архитектуры и градостроительства, против размещения в крае АЭС, выборов народных депутатов [ГАХК. П-35. Оп. 117. Д. 106а. Л. 25]. На улицах города члены клуба вели дискуссии, отвечали на вопросы по темам, заявленным в выставленных здесь же информационных материалах, распространяли листовки. «Трудодень» собрал библиотеку самиздатовской литературы. Партийные органы обвиняли членов клуба в том, что «для решения своих задач они используют приёмы спекуляции, когда обсуждения реально существующих, жизненно важных социальных проблем становятся поводом для дискредитации политики КПСС, советских и партийных органов, что пытаются увести массы от поиска конструктивных решений» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 305. Л. 130.]

Таким образом, новые объединения стали формой мобилизации, нацеленной на достижение общего блага, заявляя в публичном пространстве о наличии актуальной проблемы, и путём прямых, внеинституциональных действий требовали от контрагента (партийных, советских, хозяйственных органов) её быстрого решения. Расширение информационного поля их усилиями работало на рост гражданского самосознания, вовлечение населения в активную общественную деятельность.

ТЕМАТИКА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ: ПРАВА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ, ЭКОЛОГИЯ, ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, СНЯТИЕ СТАТУСА ПОГРАНЗОНЫ, КУРИЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

С 1989 г. на юге Дальнего Востока в условиях роста национального самосознания, открывшихся законодательных возможностей начали создаваться Ассоциации народностей Севера и Приамурья и национальные сельские Советы. До образования последних и из-за отсутствия закреплённых территорий традиционного природопользования в некоторых

районах Приморского, Хабаровского краёв, Сахалинской области коренному населению приходилось избирать разные формы отстаивания своих интересов перед ведомствами и предприятиями, планировавшими и ведущими промышленную деятельность на их родовой земле, где «единственно можно прокормить себя и свою семью, где корни и смысл жизни» [15, с. 32]. Проводились сходы, митинги протестов, пикеты, принимались обращения в районные, краевые/областные Советы народных депутатов, к депутатам Верховного Совета и руководителям страны, к жителям региона.

Вот несколько проблемных ситуаций, вышедших за рамки собственно национальных, получивших широкую огласку и поддержку в решении со стороны общественных организаций, неформальных движений и граждан. Протест выразила Хабаровская Ассоциация коренных народов Севера в связи с возведением первой очереди Нижнеамурского ГОКа в районе Николаевска-на-Амуре. «В зону постоянного риска попадёт скоро не только лиман Амура, но и коренные жители: эвенки, улчи, нивхи, а также жители сёл и посёлков и города... Северяне в корне не согласны с колониально-ведомственной политикой бездумного, любой ценой ограбления богатств Дальнего Востока» [ГАХК. Р—2013. Оп. 1. Д. 3. Л. 15—16]. Население, уже знакомое с аварийными ситуациями на комбинате, на каждом собрании и сходе, перераставших в экологический митинг, требовало независимой экспертизы проекта и коренной реконструкции системы защиты окружающей среды. За эту работу взялись созданные в 1989 г. районный и краевой комитеты по охране природы.

Под угрозой существования находились удэгейцы и нанайцы Приморья и Хабаровского края. Когда лесозаготовители появились в местах проживания самаргинских удэгейцев в с. Агзу Тернейского района Приморского края, те заявили, что будут защищать свою тайгу с оружием в руках, потребовав от властей закрепления бассейна Самарги за местным населением [39]. Острый конфликт интересов вызвала ситуация с созданием совместного советско-южнокорейского предприятия по комплексной заготовке и переработке леса на территориях проживания коренных народов в Пожарском и Тернейском районах Приморского края. Удэгейцы отправили телеграммы главе администрации края, обращение к первому съезду народных депутатов СССР с просьбой защитить Уссурийскую тайгу [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Л. 343]. ТПО «Приморсклеспром» добился приостановления закрепления этнических территорий среднего и верхнего течения Бикина за Красноярским национальным Советом. Летом 1990 г. этим вопросом занялись правительственная комиссия во главе с Е.А. Гаер, Экологический фонд СССР, рекомендовавшие исключить эти участки из состава лесосырьевой базы. В коллективном письме начальника «Приморрыбвода», директора ТИНРО, главного лесничего Приморского лесхоза и многих других позиция ТПО была признана «примером ведомственного бездушного и нехозяйственного подхода к уникальным богатствам нашего края» [38, с. 4].

Помимо лесопромышленников ещё одно министерство развернуло деятельность на территории соседних краёв. Планы по строительству Приморской и Дальневосточной (в Хабаровском крае) атомных электростанций вызвали возмущение и открытый протест населения региона и общественных организаций, откликнувшихся на просьбу аборигенов о поддержке.

Нанайцы Солнечного района Хабаровского края требовали закрепления за собой территории традиционного природопользования, чтобы иметь преимущественное право на распоряжение ресурсами. Проведённое этнографической экспедицией ИИАЭ ДВО АН СССР изучение мнения жителей с. Кондон показало, что все опрошенные (при одном воздержавшемся) выступали против размещения АЭС на берегу оз. Эворон. 10 мая 1989 г. высказалось 160 человек, лейтмотивом выступлений было следующее высказывание: «Колхозу [нанайскому «Сикау Покто»] нужно развиваться не за счёт АЭС... Есть другие способы — вернуть колхозу все его прежние земли для охоты и рыболовства... Все хозяева, кроме колхоза» [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 353. Л. 325]. Решения о запрещении строительства были приняты Советом народных депутатов Комсомольска-на-Амуре, Эворонским и Кондонским районными Советами [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 353. Л. 304]. 26 февраля 1989 г. в Комсомольске-на-Амуре состоялся трёхтысячный митинг, целью которого было выяснить положение дел и, прежде всего, позицию городских властей по этому вопросу. Прозвучало требование провести референдум во время выборов в местные Советы народных депутатов, начал работу общественный комитет по экспертизе проекта АЭС, объединивший представителей разных слоёв населения и общественных организаций края.

Вопросы о том, чьи права преобладают, становятся центральными в экологическом конфликте [16, с. 15]. Усилия по их отстаиванию, в том числе в интересах коренных народов, приняла на себя образованная в сентябре 1989 г. Дальневосточная Ассоциация демократического движения (34 организации гг. Хабаровск, Владивосток, Южно-Сахалинск, Оха, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск и др.). Проявляя солидарность, она заявляла о борьбе «за чистоту среды обитания, за сохранение природы для потомков» в качестве одной из своих первостепенных и ключевых задач [ГАХК. П—35. Оп. 117. Д. 106а. Л. 49].

Двухлетняя борьба (с апелляциями в различные инстанции, сборами подписей) жителей Красноармейского района в Приморье с планируемым созданием Приморской АЭС подошла к концу, когда районный Совет постановил с 1 января 1990 г. прекратить все изыскания по заказу Минатомэнерго на данной территории [36, с. 5].

Отсутствие полной и правдивой информации по поводу размещения опасных производств порождало многочисленные слухи среди населения и запускало механизм эскалации конфликта. Так, жители Хорольского, Спасского, Черниговского и Анучинского районов Приморского края,

не добившись от заказчика необходимых разъяснений, выступили против строительства предприятия по переработке и полигона по захоронению токсичных отходов. Геологические изыскания в Хорольском районе были встречены митингами протеста [43, с. 4]. Специалисты крайисполкома признали, что захоронение отходов не обеспечивает должной экологической безопасности. «Не будь перед краевой властью проблемы в виде тысяч протестующих граждан... проект мог бы быть принят» [11, с. 4]. В январе 1989 г., исходя из заключения Тихоокеанского института географии ДВО АН СССР, исполком Хасанского Совета народных депутатов с учётом отрицательного отношения к проекту населения Зарубино принял решение о запрещении строительства нефтебазы «Дальрыбы» на побережье бухты Троицы [17, с. 5].

Большой резонанс получило также противостояние жителей Ванинского района и Советской Гавани и командования Тихоокеанского флота, вызванное началом работ по выгрузке активных зон реакторов атомных судов и сливу тяжёлой воды в заливе. Память о чернобыльской трагедии и отсутствие достоверных сведений порождали напряжение и страх. На многотысячном митинге с участием представителей районных Советов в мае 1990 г. была принята резолюция с требованием разработать план вывода до 1 июня атомных подводных лодок из залива Советская Гавань [42, с. 16]. Образованная тогда же инициативная группа, переименованная позже в стачком, а затем в оргкомитет по экологии Ванинского района численностью 18 чел. совместно с экологическим комитетом Советской Гавани начала работу по защите интересов населения, обратив впоследствии внимание и на другие объекты, представлявшие угрозу жизни местного населения. При участии 70 представителей предприятий района были приняты обращения в Совет Министров СССР, Министерство обороны, командование ТОФ, краевой Совет народных депутатов [21, с. 2].

Вопросы защиты окружающей среды, обсуждение которых в рамках системы официальных общественных организаций в советское время было вполне допустимо, в условиях расширения социальных возможностей (публичности обсуждения, новых форм прямого участия) к концу 1980-х гг. стали во многом той идеей, которая сблизила людей в осознании общих интересов. Солидарные действия послужили основой для укрепления горизонтальных связей и взаимного доверия с надеждой на сотрудничество в дальнейшем. Консолидация — и это было особенностью для дальневосточников — проходила прежде всего под лозунгами борьбы против центральных министерств и ведомств.

Согласно конструктивистскому подходу, социальные проблемы трактуются как коллективное поведение, отражающее взаимодействие различных групп по интересам, а формулирование требований выступает как акт коммуникации с целью заострить внимание на своей жизненной ситуации [29, с. 82]. Расхождение прежних оптимистических ожиданий с реальностью могло служить катализатором открытого выражения накопленного недовольства.

По результатам опроса населения г. Хабаровска и Хабаровского района (июнь 1992 г.) проблемами, вызывавшими наибольшую тревогу были снижение уровня жизни — 63%, рост преступности — 63%, бессилие власти — 51% [2, с. 4]. На Сахалине уверенных в завтрашнем дне насчитывалось 6%, а в собственной безопасности не сомневалось всего 5% [27, с. 26]. Рост преступности на юге Дальнего Востока, в том числе и в связи со снятием статуса погранзоны, принял угрожающие размеры. В частности в Сахалинской области 1994 г. по сравнению с 1991 г. число зарегистрированных преступлений увеличилось на 54% (в среднем по России — на 21%) [10, с. 107].

Новая инструкция ГУ Государственного таможенного контроля СССР дала морякам Дальневосточного, Приморского и Сахалинского пароходств, «Дальрыбы» возможность привезти для личного пользования машину, что вкуче с причинами экономического характера, с открытием городов для жителей других регионов, породило так называемый автомобильный рэкет. В 1992 г. в порты Находка и Восточный доставили 11 тыс. автомобилей, часть из которых их законные владельцы были вынуждены под давлением отдавать преступникам прямо при разгрузке.

Начальник линейного отдела милиции А.А. Баранов констатировал, что «...криминогенная обстановка в порту Восточном не поддаётся контролю: большое число хищений, рэкет» — и выражал надежду на поддержку действий милиции «со стороны моряков, докеров и всех честных людей» [5, с. 5]. Сами автовладельцы заранее нанимали в сопровождение своих авто колонны ОМОН. В Находке небольшие группы милиции с автоматами наперевес на берегу были свидетельством того, что теплоход доставил партию автомашин для представителей местной власти или администрации Хабаровского края [22]. Созданный в Приморском крае объединённый комитет рабочего движения, пригрозив общекраевой забастовкой, потребовал отставки руководителей крайисполкома, поставив им в вину неспособность справиться с преступностью [23, с. 8]. Жители боялись не только за свою жизнь, но и за безопасность своих семей, детей и квартир. В связи с убийством из-за видеомэгнитофона инженера-технолога тысячи людей, коллектив «Дальэнергомаша», остановив работу, вышли на улицу с плакатами: «Правительство! Мы хотим жить без страха!», «Требуем возмездия!» [31, с. 16]. Для охраны рабочих заводом был заключён договор с Центральным РОВД г. Хабаровска.

Случаи открытого нападения вооружённых банд на суда, прибывшие из-за границы (теплоход «Уссури» в Ольге, теплоход «Академик Расплетин» в Пластуне и т.д.), заставили экипажи добиваться у краевых властей разрешения на газовое оружие, а затем ставить перед правительством вопрос о необходимости принятия закона, позволяющего гражданам иметь в личном пользовании и огнестрельное оружие [45, с. 2].

Запрет на регистрацию и эксплуатацию автомобилей с правым рулём (в соответствии с Постановлением Совета Министров «О мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» от 28 января 1993 г.)

на фоне принятых ранее указов президента РФ о временном импортном таможенном тарифе и налогообложении инвалютных заработков также вызвал всплеск социальной напряжённости на Дальнем Востоке, привёл к обращению населения к коллективным протестным действиям. В хлынувших потоком радиogramмах, в частности, говорилось: «Указы эти в отношении моряков считаем грабительскими» [34, с. 1], «считаем постановление ошибочным, обоснования его неубедительны, это ущемляет права и интересы российских моряков, для которых приобретение автомобиля за рубежом — основная возможность обеспечить существование себе, своей семье. В условиях падения престижа работы на российском флоте приобретение автомобиля является одним из главных сдерживающих факторов перетока квалифицированных кадров на работу в иностранные компании» [30], «моряки России всегда получали самую низкую заработную плату в мире, жили на грани нищеты в ожидании квартир по 18—20 лет. Это не мешает правительству и сегодня вновь применять старые советские законы запрета» [32, с. 2]. Ситуация с выплатой зарплаты (ввиду отсутствия наличных денег) рыбакам, морякам, шахтёрам в этот период стояла крайне остро. Задолженность на Сахалине на 1992 г. составляла около 5 млрд руб., в Приморском крае 1,6 млрд. На мартовском митинге 1993 г. была принята резолюция, в которой заявлялся протест правительству. Началась подготовка к широкомасштабной забастовке 30 апреля, о чем, равно как и о причинах, её вызвавших, был поставлен в известность Конституционный суд России. Поддержали стачком представители разных профессий, жители Дальнего Востока [1, с. 2].

Острые дискуссии в дальневосточном обществе вызвал вопрос о снятии статуса погранзоны в Приморском, Хабаровском краях, Сахалинской области. И главным образом из-за того, что решение его осуществлялось без анализа обстановки и учёта общего мнения. Сахалинское Управление КГБ располагало сведениями о массовом негативном отношении жителей острова к этой идее [ГАСО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 35. Л. 123]. Упрощённый въезд граждан из других регионов страны, по их мнению, должен был усугубить криминогенную обстановку, привести к разгулу спекуляции, истощению природных ресурсов, а также ухудшению ситуации в социальной сфере в силу неподготовленности всей островной инфраструктуры (отсутствие собственного морского пассажирского флота, как следствие — транспортные трудности, сложности в обеспечении товарами и продуктами питания населения области). На имя Президента СССР М.С. Горбачёва, Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, председателя Президиума ВС РСФСР Б.Н. Ельцина были отправлены сотни писем и телеграмм с требованием отменить или приостановить действие постановления Совета Министров СССР от 27.11.90 г. Так, районная газета «Тымовский вестник» провела опрос, на котором 12 852 жителя района заявили, что принятое без их согласия решение — это нарушение прав человека [РГАСПИ. Ф. А—664. Оп. 1. Д. 65. Л. 16—18]. Дополнительные аргументы приводили и Советы народных

депутатов (нерегулируемый въезд на Сахалин подорвёт всю систему областного хозяйства, не приспособленную к самозащите) [ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3110. Л. 6]. К январю 1991 г. за сохранение пограничной области на Сахалине высказалось около 50 тыс. чел. (645 коллективов), 38 чел. — против. К марту первая цифра выросла до 100 тыс. чел. [14, с. 1], и было принято решение одновременно с проведением референдумов СССР и РСФСР 17 марта 1991 г. организовать и опрос населения о-ва Сахалин. На вопрос «считаете ли вы необходимым временно сохранить пограничный (разрешительный) режим на въезд в Сахалинскую область» ответ «да» дали 90,9%, «нет» — 7,5% [37, с. 1]. Тем не менее реакции из центра не последовало и Постановление СМ СССР осталось в силе.

Другим вопросом, сплотившим жителей области перед лицом центральных властей, стала Курильская проблема. Резко негативным было отношение к тем деятелям государства (политикам, дипломатам, журналистам и проч.), которые одобряли идею или публично выступал за передачу Курильских островов Японии. 4 октября 1991 г. (в связи с посещением Сахалина группой под руководством зам. министра иностранных дел РСФСР Г.Ф. Кунадзе) президиум Сахалинского областного Совета народных депутатов принял решение организовать совместно комитет для координации действий органов власти, политических, общественных организаций и движений населения по разрешению Курильской проблемы. В тексте заявления были осуждены высказывания со стороны представителей центральных органов власти, как «подрывающие авторитет российского правительства и ведущие к нагнетанию напряжённости» [ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3111. Л. 237], появлению слухов и домыслов, Совет выступил категорически против отчуждения территории и решения проблемы без учёта мнения населения.

Следует вспомнить и о серии стихийных митингов осенью 1991 г., когда озвучивались мнения о том, что проблему Курил умышленно раздувают бывшие аппаратчики КПСС, чтобы скрыть свою бездеятельность. «Этот нездоровый ажиотаж нужен им только, чтобы отвлечь людей от насущных проблем. Фёдоров нас японцами пугает, людьми третьего сорта будем при них. Да мы уже сегодня, при советской власти — пищевой нестандарт», — говорили на митинге [41]. Проблему усугубила активно продвигаемая казаками идея их участия в экономическом освоении Курил. Большой совет атаманов казачьих войск в феврале 1992 г. выдвинул обращение с требованием передать территорию островов «под свою юрисдикцию», чтобы, в том числе обеспечить её неприкосновенность [18, с. 3]. Это вызвало возмущение жителей. По мнению курильчан (с письмом в «Свободный Сахалин» обратились 158 чел.), «уже давно ясно, что мы не возьмёмся за оружие в случае возврата Южных Курил Японии, и „губернатор“ стремится заселить спорные острова наёмными „патриотам“» [7, с. 1]. Действия Фёдорова в этой связи воспринимались как продолжение неадекватной политики советских партийных чиновников по отношению к отдалённой территории.

Посещение Южных Курил в конце мая 1992 г. тремя вице-губернаторами области и другими официальными лицами отчётливо показало отношение жителей к власти, чьи представители были встречены очень жёстко. На фоне умирающей рыбной промышленности и 4-месячной задолженности по зарплате люди не имели возможности ни выживать здесь, ни переехать в западную часть России: «Пусть Курилы японцы забирают, лишь бы оплатили мне проезд на материк. Жить здесь невозможно» [6, с. 1]. Пенсионерам было обещано возместить часть расходов за оплату контейнера и дороги, но только уже на новом месте.

17 марта 1991 г. в трёх районах области местные власти вынесли на обсуждение в дополнение к референдумам практически одни и те же дополнительные вопросы. 74% от принявших участие в голосовании в Углегорске (17 631 чел.) и 68,8% (8067 чел.) в Южно-Курильском районе высказались против передачи островов южной части Курильской гряды Японии. На вопрос в Курильске «Останетесь ли вы жить на острове, если изменится его государственно-правовой статус?» 44,1% населения ответили «останусь жить на острове» и 49,3 — «уеду». Эти цифры можно сравнить с общесоюзными. Согласно данным проведённого в начале 1991 года ВЦИОМ опроса о необходимости безотлагательно заключить с Японией мирный договор заявило 2/3 опрошенных по стране (66,7%) [19, с. 3].

Данные социологических исследований 1992 г. позволяют сделать вывод о том, что проблема социального недовольства и протеста осознавалась в массовом сознании в первую очередь как конфликт власти и общества в целом [24, с. 225]. Анализ тематики и характера запросов населения Дальнего Востока, проблем, актуализированных в ходе гражданского участия в период значительных социально-экономических и политических трансформаций 1980—1990-х гг. говорит о том, что основным контрагентом выступали прежде всего центральные власти. В представлениях населения политика государства в отношении региона носила характер колониальной, проводником которой виделась номенклатура краевого и областного уровней. Нарастание напряжённости и протест вызывались ситуацией отстранения власти от обсуждения с населением развитие территории, отказа от учёта общественного мнения при принятии важных решений, затрагивавших его жизненные интересы и права (на безопасность, гласность, самостоятельность).

В период перестройки расширение социальных и политических возможностей открыло массовому недовольству дальневосточников выход в публичное пространство путём прямых коллективных действий, в том числе протестных (от митингов к забастовкам). Проявление солидарности с осознанием общего блага, артикуляция запросов со стороны новых общественных движений, активность в мобилизации наличных ресурсов позволяли участникам добиваться заявленных целей, способствуя становлению на Дальнем Востоке демократических институтов и практик.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акция протеста // Дальневосточный моряк. 1993. 17 февр.
2. Аналитическая записка по результатам трёх зондажных опросов населения города Хабаровска. Хабаровск. Дальневосточный кадровый центр. Апрель—июнь 1992 г.
3. Афанасьев М.Н. Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты. М., 1999; Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 526 с.; Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007. 176 с.; Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с.; Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Политические исследования. М., 2011. № 4. С. 144—157. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 1998. Т. 1. Вып. 4; В поисках гражданского общества. Великий Новгород, 2008. 400 с.; Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. 318 с.; Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 171 с.
4. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или Дальний Восток в демографической структуре АТР // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз: Сб. материалов первой регион. науч.-практ. конф. Хабаровск: Кн. изд-во, 2004. 272 с.
5. Болбас И. В Восточном снижена преступность // Дальневосточный моряк. Владивосток. 1993. 12 мая.
6. Бугаев М. Вице-губернаторы открывают Курилы // Свободный Сахалин. Южно-Сахалинск, 1992. 3 июня.
7. Бугаев М. «Земляк» против казаков // Свободный Сахалин. Южно-Сахалинск, 1992. 21 марта.
8. Буянов Е.В. Органы государственной власти Дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х — 90-е годы XX в.). дис. ... д-ра. ист. наук. Благовещенск. 2003. 377 с.
9. Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988—1995 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 264 с.
10. Быков С.В. Социальные последствия экономической реформы на Дальнем Востоке России // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1995. № 4.
11. Васильев А. Непопулярный «отходняк» // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток, 1990. 17 марта.
12. Васильева А. Надо ли их бояться? // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1992. 23 сент.
13. Владимиров Д.А. Политическое участие и роль некоммерческих организаций в демократических преобразованиях в Приморье конца XX и начале XXI в.: дис. ... канд. полит. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2010.
14. Всем внимание! Будет референдум о погранзоне! // Свободный Сахалин. Южно-Сахалинск. 1991. 14 марта.
15. Высоков М.С. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1999. № 4.
16. Грей Б. Переструктурирование трудноразрешимых экологических конфликтов // Социальный конфликт. 1998. № 4.
17. Два объекта для «Золушки» // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток, 1990. 17 февр.
18. Демаков О. Казаки требуют Курилы себе // Свободный Сахалин. Южно-Сахалинск, 1992. 26 февр.
19. Демин Н., Петрова Е. Что даст визит Горбачёва? // Свободный Сахалин. Южно-Сахалинск, 1991. 14 апр.
20. Забровский Е. Денег нет. Почему? // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1993. 20 мая.

21. Заложники // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1990. 16 июня.
22. Ильин И. Встреча // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1993. 12 мая.
23. Иномарка // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1991. 15 июля.
24. Кинсбургский А.В. Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2005. М.: Институт социологии РАН, 2006.
25. Климов А.И. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // Полис 1999. № 1.
26. Коняхина А.П. Диалог с властью. Изучение и формирование общественного мнения населения Хабаровского края во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 70—88.
27. Корель Л.В., Шабанова М.А., Шарнина О.В., Чистякова Ю.Б. Социальная адаптация населения Сибири к рынку // Социологические исследования. М., 1993. № 11.
28. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 171 с.
29. Минина В.Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 1998. Т. 1. № 3.
30. Моряки возмущены // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1993. 10 февр.
31. Новак О. Зачем нас убивают? // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1990. 27 окт.
32. Отменить постановление! // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1993. 17 февр.
33. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. М., 2012. № 1.
34. «Пионерская зорька». // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1992. 22 июля.
35. Подошвин В. Борьба идеологий в общественно-политическом движении на Сахалине // СИАА. Южно-Сахалинск. 1996. № 1(7).
36. Район сказал: нет! // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток. 1990. 17 февр.
37. Референдумы и опросы. Данные по Сахалинской области // Свободный Сахалин. Южно-Сахалинск, 1991. 21 марта.
38. Старцев А. Как обманули депутатов // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1990. 8 дек.
39. Старцев А. Мы будем защищать свою тайгу с оружием в руках, — заявили удэгейцы села Агзу // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток, 1990.
40. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.88 «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. N 31.
41. Фёдоров Г. Курилы нужно отдать! // Красный маяк. Курильск. 1990. 7 нояб.
42. Филиппов А. Заложники // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1990. 2 июня.
43. Чеснокова Л. Полигон в штате... Приморье // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток, 1990. 17 янв.
44. Шаров В. На острове — нормальная погода // Молодой Дальневосточник. Хабаровск. 1989. 5 авг.
45. Шайтанова А. Нападение на теплоход // Дальневосточный моряк. Владивосток, 1993. 14 апр.
46. Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986—1989). М.: Европа, 2006. 344 с.
47. Арх. ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока).
48. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
49. ГАСО (Гос. арх. Сахалинской области).
50. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
51. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
52. СЦДНИ (Сахалинский центр документации новейшей истории).